

НАДЗИРАТЕЛЬ: ПУТЬ ОХОТНИКА

18+

КОСМОВОЛК КОСМОВОЛК

Надзиратель: путь охотника

«Автор»

2026

Космоволк К.

Надзиратель: путь охотника / К. Космоволк — «Автор», 2026

В этом мире нет героев. Есть ресурс. И ты один из них. Выбрав свой путь ты больше не сможешь с него свернуть.

© Космоволк К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Родился. Конфликт.	7
Глава 2 Иван и Аня.	16
Глава 3 Взросление. Прощание.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Космоволк Космоволк

Надзиратель: путь охотника

Пролог

Мне снилась война.

Не та, что показывают в новостях, – чистенькая, с ровными картинками и сухими сводками. Настоящая. Грязная. Та, после которой не отстираться.

Я стоял посреди поля, изрытого траншеями, словно гигантский червь пропахал землю. Вокруг – трупы. Их было так много, что я перестал считать после первого десятка. Они лежали вперемешку – я не мог разобрать, где человек, а где что-то другое. Чьи-то конечности заканчивались когтями, чьи-то лица были разорваны пополам, обнажая не кости, а чёрную пустоту.

В воздухе пахло железом и гнилью.

И посреди всего этого – он.

Молодой парень. Стоял, чуть пошатываясь, весь в какой-то потертой броне – кожаные ремни, металлические пластины, пробитые в нескольких местах. В правой руке – сабля. Клинок блестел, весь в крови, будто он только что кого-то зарубил и даже не вытер. Левая рука была загнута за спину. Спрятана.

Я хотел окликнуть его. Спросить, жив ли. Нужна ли помощь. Но язык не слушался.

А потом он повернул голову.

Лицо – впалые щёки, словно он не ел неделями. Волосы – жёсткие, отвратительно седые, как у старика, хотя по телу – молодой. И глаза. Мёртвые, пустые, как у рыбы на прилавке. Смотрящие сквозь тебя, а не на тебя. Но цвет – неестественно яркий, голубой, как лёд на солнце.

Он смотрел на меня. Я смотрел на него.

И мне стало страшно. Не за себя – за него. За то, во что он превратился.

Я проснулся с криком.

– Да чтоб тебя... – прохрипел я, садясь на кровати.

Сердце колотилось где-то в горле. Лоб мокрый. Простыня сбилась в комок – я всю ночь ворочался, будто бежал от кого-то.

Тишина. Квартира пустая, как обычно.

Я посидел, дожидаясь, пока пульс успокоится. Потом встал, побрёл на кухню. Налил воды, выпил.

– Странный сон.

Никогда раньше не видел ничего подобного. Обычно мне снилась древесная стружка, верстак, запах олифы. А тут – поле, трупы, и этот парень с мёртвыми глазами.

Я потёр лицо. Щетина колола ладони.

– Работа. Семь утра. Пора.

Цех пах деревом – как всегда. Кедр, сосна, чуть-чуть дуба для дорогих заказов. Я любил этот запах. Он был честным.

Включил станок, проверил ножи, надел очки. Работа. Простая, понятная. Взял заготовку – дверную филёнку для частного дома. Снял размеры.

Руки делали своё дело, пока мысли бродили где-то далеко.

Кого я там видел? Глаза голубые. Седые волосы.

Я таких не знал. Никогда не встречал.

– Выдумка, – буркнул я. – Мозг перегрелся.

Первый проход – нормально. Второй – тоже. На третьем что-то кольнуло в груди. Помассировал, выдохнул. Продолжил.

Четвёртый проход. Боль вернулась. Сильнее.

Я выключил станок. Отошёл к верстаку, опёрся на край.

– Не сейчас. Только не сейчас.

Грудную клетку сжало, будто кто-то сунул внутрь кулак. Воздух перестал проходить. Я открыл рот – ничего.

Ноги подкосились.

Я упал на колени, потом на бок. Стружка прилипла к щеке. Потолок поплыл, закружился.

Дурак, – подумал я. – Дурак, ты всегда был дураком.

В детстве я хотел быть героем. Смотрел фильмы про пожарных, читал книжки про рыцарей. Рисовал в тетрадке человечков с мечами.

Потом вырос. Решил стать пожарным.

Не прошёл медкомиссию. Сердце.

Мать плакала. Отец молчал. Я злился на всех, потом перестал. Забил.

Столярка – это не подвиг. Двери, окна, наличники. Никто не пишет книг про тех, кто ставит петли на дверные коробки.

А потом была Таня. Добрая, тихая, с веснушками. Я напился на дне рождения друга, она подсела успокоить. Переспали.

Когда сказала, что беременна, я испугался. Но решил – будь мужиком. Не сбегу.

Сбежал через два года.

Не выдержал. Не потянул. Смотрел на сына и не чувствовал того, что должен. Только вину. Огромную, липкую вину.

Я ушёл. Платил алименты, звонил раз в месяц, потом раз в полгода, потом перестал. Пытался восстановить отношения, когда сын вырос – он меня послал. Сказал, что отец ему не нужен.

И был прав.

Вот так я и жил. Один. Без геройства. Без семьи. Без мечты.

Потолок совсем поплыл. Свет погас.

И в темноте я почувствовал волю.

Не голос. Не мысль. Что-то древнее – старше богов, старше земли. Оно не говорило словами. Оно просто знало. И позволяло мне знать вместе с ним.

Шанс. Не прощение. Не искупление. Просто шанс.

Стать тем, кем не стал. Сделать то, что не сделал.

Воля эта была чужой – такой древней, что человек перед ней – пыль. И в то же время родной. Как память, которую носил в крови, сам не зная.

Тепло разлилось по груди. Собрало меня по кусочкам.

И понесло.

Глава 1 Родился. Конфликт.

Ночью, под сводом звёзд и завыванием ветра, в одной из деревень, затерянной в снегах Сибирского княжества, раздался детский крик. Следом – радостный возглас матери, усталый выдох отца. За окнами выла метель – обычное дело для этих мест. Но в избе было тепло, пахло травами и старой кожей.

Декабрь 1412 года после Низвержения.

Я родился. Так можно описать мою ситуацию.

Я не помнил, кем был. Только смутные образы: город из стекла и бетона, запах древесной стружки, странные силуэты с глазами, которые смотрели на меня с обидой. Потом – темнота, боль в груди, и вот я снова кричу, размахивая крошечными кулачками. В голове иногда всплывали странные слова: «столяр», «пенсия», «пожарный». Я примерно понимал, что они значат, но если пытался ухватить воспоминание за хвост – оно рассыпалось в пустоту. Оставалось только ощущение: что-то было. Что-то важное. Но что – не вспомнить.

Вот называется, приплыли.

Первое, что я заметил, когда зрение сфокусировалось – люди вокруг были необычными. Кожа цвета глубокой синевы, на скулах – мелкие кристаллики льда. Мои родители – мать Алена и отец Михаил – выглядели почти обычно: у отца лишь пара кристаллов на шее, у матери – россыпь на ключицах. Потом я узнал, что они «покорёженные». А я родился гладким. Белая кожа, обычные волосы, никаких кристаллов. Только глаза – неестественно ярко-голубые.

– Какой хорошенький, – шептала мать, качая меня на руках. – Весь в твою мать, Михаил.

– В мою мать? – отец хмыкнул. – Ты мою мать не видела. Она была страшнее снежной бури.

– Это ты просто не умел смотреть, – улыбнулась мать.

Я лежал в тряпичных пелёнках и привыкал, наблюдал и запоминал. Это вошло в привычку – смотреть, замечать детали, складывать их в голове. Отец называл это «рысьим глазом». Мать – «бесовским любопытством».

Первые годы пролетели незаметно. Я учился ходить, говорить, а главное – слушать. Взрослые часто не замечали, что я тут, и говорили при мне свободно. Так я узнавал про этот мир больше, чем из сказок старика.

Однажды, когда мне было около двух лет (я ещё плохо разбирал слова, но интонации улавливал), две соседки остановились у нашего крыльца. Одна, дородная тётка Поля, говорила громко, размахивая руками:

– И что ты думаешь? Аньку-то, из соседней деревни, забирают в гарнизон. В город, на два с половиной года. И девке всего шестнадцать.

– Так у нас теперь закон, раньше ведь в 14 лет забирали, сейчас подняли возраст, – отвечала вторая, худощавая, с кристаллами на висках. – Все равны перед Закоником. Моя-то младшая, Иринка, в кузнецы надумала. Говорит, не хочу при казарме торчать, хочу молотом махать.

Я тогда не понял половины, но запомнил: девушки тоже служат в армии, а Ирина из соседней деревни хочет стать кузнецом. В моём прошлом – нет, в том, смутном – кузнецами в основном мужчины были. А здесь, выходит, всё иначе.

Позже, подрастая, я замечал это повсюду. Женщины управлялись с топором не хуже мужчин. Мужчины пекли хлеб и нянчили детей, пока жёны были на дежурстве. Старик в церкви говорил, что так повелось после Низвержения, когда выживали все, кто мог держать оружие, независимо от того, что между ног.

– Раньше, паря, по-другому было, – качал он головой. – А теперь – равноправие полное. Император приказал, и князья подписались. Так что девочки у нас не только за печью сидят.

Я кивал, но внутри всё равно удивлялся. В моих обрывочных воспоминаниях мир был иным. Там, кажется, мужчины и женщины спорили о равенстве, а здесь оно было просто фактом – как снег зимой.

Деревня называлась Бьюрон. Одна из многих, где селились покорёженные. Они не были изгоями – равноправные члены общества, такие же, как и все. Но большинство предпочитало держаться вместе. Стихийно, без чьего-либо указа, они основывали свои деревни, куда чужаков пускали неохотно. Свои – понятно, свои не предадут. А чужак может и пальцем показать, и детей напугать.

Таких деревень было немного: на двести обычных – одна покорёженная. Самая известная, город Изменен, появилась триста двадцать лет назад, после самой большой бури в истории. Тогда зима отступила на несколько недель – невидаль для этих мест. Город так и называли – Изменен. Туда свозили всех покорёженных, кто хотел попытать счастья. Отец говорил, что там даже были свои ремесленные цеха. Но добираться – месяц пути через лес, полный порождений. Поэтому большинство оставались здесь, в Бьюроне.

Церковь была главным местом в деревне. Огромное деревянное здание в три этажа, пережившее не одну бурю. Бури здесь не редкость – метели могут длиться неделями, завывая так, что из избы не высунуться. Редкость, когда буря подходит прямо к деревне. Но такое случилось. Шестьдесят лет назад одна такая чуть не смела Бьюрон с лица земли. Все дома снесло, а церковь устояла. Старик рассказывал, что её строили ведуны – проводники духов, которые благословляли стены, делая их крепче металла.

– А зачем нам церковь, старик? – спросил я однажды, когда он строгал игрушку для малышни.

– Для веры, паря, – ответил он, не поднимая головы. – И для яслей. Самые безопасные места – церкви да крепости. А за церквью ещё и боги приглядывают. Нечисть сюда не сунется.

– А какие боги?

Старик отложил нож и посмотрел на меня своими мутными, но живыми глазами.

– Главный над всеми – Перун. Бог-громовержец, самый сильный. Он отвечает за порядок в мире, за справедливость. А под ним – Чернобог, тёмный, но не злой. Он правит равновесием. У Чернобога двое слуг: Студенец, бог Холода, и Мракота, бог Тьмы. У них есть приспешники – порождения, те самые твари, что нападают по ночам. Но Студенец и Мракота не враги нам, нет. Они – испытание. Перун и Чернобог вместе посылают их, чтобы мы становились сильнее.

– А ещё есть Мокошь, – продолжал старик, и голос его стал мягче. – Это дух. Не мужчина и не женщина, а нечто среднее. Они защищают детей и домашний очаг. Мокошь – отец домовиков, тех самых маленьких духов, что живут за печкой. А ещё Мокошь – учитель всех наставников и воспитателей. Если видишь доброго старика, что учит уму-разуму – знай, Мокошь его благословил.

– А Велес? А Сварог? – спросил я, вспомнив, что слышал краем уха.

– Есть и они, – кивнул старик. – Велес – скотий бог, за скотину отвечает. Сварог – за кузнечное дело. Но главные трое – Перун, Чернобог и Мокошь. Запомни это, паря.

Я кивал, но больше меня интересовали игрушки. Их здесь было много – общие для всех детей, кто младше шести лет. Нас, таких малышей, родители приводили утром, закутанных в шкуры, и оставляли до вечера. Старик присматривал, рассказывал сказки, поучал жизни.

Именно там, в церкви, я впервые столкнулся с тем, чего не понимал.

Мне было три года. Я уже заметил, что отличаюсь от других. Моя кожа не синела на морозе. Кристаллы не прорастали из локтей. Старик говорил, что я – мутация. Хорошая. Родители – что я особенный. Но дети смотрели иначе.

Особенно Иван.

Сын старейшины. Ему было пять. Высокий, синегокожий, с кристаллами на локтях и скулах. Он всегда ходил с дружкой – Витькой, у которого кристаллы торчали из ушей. Они считали себя главными.

Однажды я сидел на лавке у окна, играл деревянным солдатиком – старик сделал его специально для меня, с маленькой сабелькой и щитом. Иван подошёл внезапно.

– Чего здесь сидишь? – спросил он, загораживая свет. – Это моё место.

– Места общие, – ответил я спокойно.

– Общие? – Иван скривился. – Для таких, как ты, ничего общего нет. Ты вообще чужой. Смотрите на него – кожа как у дохлой рыбы, ни одного кристалла.

Витька поддакнул:

– Точно, приёмыш. Наши родители таких в лесу бросают.

Я опешил. Никогда раньше они не говорили ничего подобного.

– Я такой же, как и вы, – сказал я, стараясь не показывать, что внутри закипает злость. – Мои родители – покорёженные, и я их сын.

– Ага, а волосы у тебя седые, а не белые, – Иван нагло ухмыльнулся. – И глаза яркие. Я вообще слышал, что ты – знак. Плохой знак.

– Какой ещё знак?

– Такой, что нас из-за тебя проклинали. Может, ты вообще не человек, а подкидыш из леса. Игрушки тебе не положены.

С этими словами он выхватил у меня из рук солдатика и швырнул в угол. Деревяшка глухо стукнулась о стену. Конец сабельки отлетел.

– Верни, – сказал я тихо.

– А что сделаешь?

Я сжал кулаки. В голове мелькнуло что-то из прошлой жизни – драка, боль, обида. Я не помнил, что именно, но тело знало: надо защищаться.

И я толкнул Ивана в грудь.

Он не ожидал, пошатнулся и упал на Витьку. Оба грохнулись на пол.

В церкви повисла тишина. Потом Иван заревел:

– Ты за это ответишь! Мой отец – старейшина! Он тебя выгонит из деревни!

– Попробуйте, – ответил я, хотя внутри всё дрожало.

Старик, который до этого делал вид, что дремлет, открыл один глаз.

– Тихо, – сказал он негромко, но так, что все замерли. – Иван, Витька – ко мне.

Они подошли, опустив головы.

– Задирать младших – последнее дело. Альтан, ты тоже хорош – сразу в драку. Словами не пробовал?

– Пробовал, – буркнул я.

– Плохо пробовал. Иван, ты извинишься перед Альтаном. И игрушку ему вернёшь.

– Она сломалась, – прошептал Иван.

– Тогда подари свою. У тебя их вон сколько, отец привозит.

Иван помялся, но кивнул. А старик добавил:

– А лучше, научу тебя работать с деревом. Своими руками сделаешь новую – вот тогда и ошибки загладишь. Делом, а не словами.

Иван поднял сломанного солдатика, посмотрел на меня исподлобья.

– Прости, – буркнул он. – Я не хотел ломать.

– А обзываться хотел? – спросил я.

Он промолчал.

Вечером, когда забирали детей, старик пересказал всё старейшине. Максим Рогов выслушал, нахмурился, увёл сына домой. Я знал, что разговор там будет долгим.

POV: Максим Рогов, старейшина

Я сидел за дубовым столом, чистил короткий меч из холодной стали – подарок Ордена за десять лет верной службы ищейкой. В доме пахло дымом, сушёными травами и старой кожей. За окном выла метель, но здесь, у печи, было тепло.

Дверь распахнулась, впуслав клубы снежной пыли. Ввалился Иван – красный, заплаканный, с разбитой губой.

– Батя! – заорал он с порога. – Этот выродок, Альтан, меня ударил! При всех! Перед старичком и малышкой! Его выгнать надо из деревни! Он чужой!

Я отложил меч, не спеша вытер руки тряпкой и посмотрел на сына.

– Садись, – сказал я спокойно. – И расскажи, с чего всё началось.

Иван сел на лавку, но всё ещё кипел.

– Он игрушки мои трогал! Сидел на моём месте! А когда я сказал, что он никто, он толкнул меня. Я упал. При всех!

– Правду говори, – перебил я. – Ты сказал ему, что он никто?

Иван потупился.

– Ну... сказал.

– А ещё?

– Сказал, что кожа у него как у дохлой рыбы, и что он, может, не покорёженный вовсе, – буркнул сын.

– А про «выгнать из деревни»?

– Тоже, – еле слышно добавил он.

Я вздохнул, потёр переносицу.

– Знаешь, почему Жировские до сих пор живут в этой деревне, хотя могли бы уехать в Изменен или ещё куда?

Иван мотнул головой.

– Потому что его дед – когда-то охотник – спас три семьи во время снежной бури, когда порождения полезли из леса. Тогда вся деревня и превратилась в то, что есть. Потому что его отец – лучший лесничий на три округа. Без него мы бы уже с голоду перекинулись. А этот «выродок» – он такой же, как мы. Только внешность другая.

– Но он чужой! – упрямо сказал Иван.

– Нет, – я покачал головой. – Он родился здесь. Его родители – покорёженные. И то, что у него нет кристаллов, не делает его врагом. Просто он другой. Ты бы хотел, чтобы к тебе относились как к чужаку только из-за того, что у тебя из локтей торчат льдинки?

Иван промолчал.

– Кто первый лезет – тот и виноват, даже если его потом отлупят. Тылез. Он ответил. Теперь вы оба в расчёте.

Я встал, подошёл к полке, достал кусок старой холстины и протянул сыну.

– Вытри лицо. Завтра пойдёшь и извинишься перед Альтаном. Не за то, что защищался, а за то, что назвал его чужим. Он – наш. Понял?

Иван взял тряпку, шмыгнул носом, но не поднял глаз.

– Понял, – прошептал он.

– А теперь иди умойся и ложись спать. Завтра с утра пойдём со мной – проверять ловушки на северной опушке. Работа лечит, в том числе обиды.

Он выскользнул за дверь. Я остался один. Взял меч, провёл пальцем по лезвию.

«Малой прав, – подумал я. – Альтан не похож на нас. Ни кристаллов, ни синева. И не мёрзнет, говорят. Может, это и к лучшему. Может, именно такие и выживают».

Я сунул меч в ножны, подобрал дров в печь и сел к окну. Метель стихала. За снежным маревом едва угадывались силуэты деревьев. Где-то там, в ночи, бродят порождения. А здесь,

в избе, спит мой сын – злой, глупый, но мой. Может, ещё поймёт, что сила не в кулаках и не в цвете кожи, а в том, кто рядом, когда нужно.

Я задул свечу.

Конец POV

На следующее утро Иван пришёл в церковь с заплаканными глазами и протянул мне деревянного коня – грубо вырезанного, но целого.

– Держи. Это пока. А когда старик научит – я тебе нового солдата сделаю. Сам.

Я взял коня, повертел.

– Ладно. Мир?

– Мир, – буркнул Иван и отвернулся.

Но я заметил, как он украдкой улыбнулся.

В церкви я проводил много времени. И там же, слушая разговоры взрослых, начал замечать странное.

Ночью, если я засыпал не в избе, а, скажем, на сеновале, мне снились кошмары. Что-то тёмное, бесформенное, с голосом, похожим на скрежет льда и шёпот умирающих. Оно говорило на языке, которого я не понимал, но звуки эти заставляли кровь стынуть в жилах. Оно тянулось ко мне из черноты, пыталось пробраться в голову. Я просыпался в холодном поту, с мокрыми пелёнками и диким сердцебиением.

– Опять? – вздыхала мать, поднимаясь с кровати.

Я кивал, не в силах объяснить.

Однажды к нам в избу зашла соседка – старая Марфа, у которой дети уже выросли и жили отдельно. Она услышала мои крики, перекрестилась на угол с иконой Мокоши и сказала матери, понизив голос:

– Аленушка, ты это, не пускай мальчика ночевать где попало. Он же маленький – до шести-восьми лет детки слишком уязвимы для темных чертей. Так в деревне говорят. Они из Тьмы приходят, от Мракоты. Снятся, пугают, а то и затянуть могут, если защиты нет.

Мать побледнела, прижала меня к себе.

– А где защита?

– В избе – домашние боги, и Мокошь приглядывает. В церкви – Перун и все светлые. А в сарае – сами понимаете. Тьма там гуляет, некому отогнать.

Мать испуганно оглянулась на тёмные углы избы, притянула меня ближе.

– Спасибо, Марфа. Буду знать.

После этого разговора меня укладывали спать только в избе или в церкви. И кошмары отступили.

Но осадок остался. Я начал замечать, что взрослые избегают говорить о Тьме вслух. О порождениях – да, говорили. Называли их «студенцевыми псами» или «мракотовыми детьми». Но самих богов – Студенца и Мракоту – поминали редко, словно боялись привлечь внимание.

«Интересно, – думал я. – В моём прошлом – нет, в том, смутном – люди спорили, есть ли боги. А здесь – живут с ними бок о бок. Или верят, что живут».

Прошёл год. Мне исполнилось четыре.

Отец часто брал меня с собой в лес. Он был лесничим – не единственным в деревне, но самым умелым и удачливым. Другие тоже ходили на охоту, ставили ловушки, собирали травы. Но отец приносил больше всех. Его уважали, хотя иногда поглядывали с завистью.

– Альтан, не беги впереди, – кричала мать вслед.

– Не упаду! – кричал я в ответ и всё равно нёсся вперёд, пока отец не хватал меня за шкуру.

– Тише, – усмехался он. – Лес не любит шумных.

Мы бродили по окрестностям часами. Снег здесь лежал почти девять месяцев в году. Я не чувствовал холода – мутация, как сказал старик. Тело реагировало, но ощущений не было. Мать переживала, кутала меня в шкуры, но я всё равно раздевался, когда она не видела.

Отец показывал мне ловушки, учил различать следы. Я запоминал быстро, но иногда отвлекался – хотелось просто бегать по сугробам, валяться в снегу, дразнить собак.

– Ты неугомонный, – смеялся отец. – Весь в себя.

– А дед? – спросил я однажды. – Он тоже был неугомонным?

Отец помрачнел.

– Дед был охотником. Настоящим. Сражался с порождениями. После одной битвы половина его тела стала кристаллом. Он теперь как живой ледышка – не умирает, но и не живёт полноценно. Мать за ним ухаживает.

– А почему он не в Ордене?

– Орден отпустил. По состоянию здоровья. И мы остались здесь. Твоя бабушка приехала следом, бросила всё, чтобы быть с ним. Так наша семья и осела в Бьюроне.

Я задумался. Охотники... Я слышал это слово и раньше. Они убивали порождений. Их боялись и уважали. Но, как говорил старик, охотники редко доживали до старости. Либо погибали, либо становились калеками. Пенсии у них не было – только Орден, пока ноги носят.

Я не знал тогда, что моя судьба тоже будет связана с охотой.

Тот день запомнился надолго.

Отец был дома – чинил сбрую у печи, напевая что-то под нос. Мать возилась с младшим братом Жданом, который орал без умолку. Мне стало скучно. Я натянул шкуры, выскользнул на улицу – думал, минуту, другую, и обратно.

Метель стихла. Снег искрился в свете месяца. Я подставил лицо ветру и... ничего не почувствовал. Ни холода, ни щипания. Только тишину.

«Какой же я особенный, – подумал я. – Меня не берёт ни холод, ни жара».

Я сделал шаг, другой. Ноги шли легко. Я уже представил, как спасаю деревню от порождений, как охотники просят у меня совета. Постоял, посмеялся над своими мыслями. Потом захотел вернуться в избу – и понял, что не могу пошевелиться.

Ног не чувствовал.

Я опустил взгляд – они были синими. Синюшными, как у мёртвого зверя.

Страх ударил так сильно, что я заорал. Заплакал.

– Мама! Папа!

В избе завозились. Мать выскочила первой, за ней – отец, отшвырнув сбрую.

– Альтан! – мать схватила меня на руки, закутала в шубу. – Что ты наделал!

Отец втащил меня в избу, сунул ноги в таз с тёплой водой, обмотал холстиной. Ничего не помогало. Ноги оставались синими и неподвижными.

– Не чувствую, – повторял я сквозь слёзы. – Совсем не чувствую.

Они пробовали всё: грели, массировали, мазали звериным жиром. Ничего. Прошла неделя, вторая, третья. Я лежал в кровати, ноги висели плетью. Ждан кричал, мать плакала по ночам.

– Надо к ревизору, – сказал отец на исходе второго месяца. – Караван будет через месяц.

– А если не поможет? – спросила мать.

– Тогда... тогда не знаю.

Я смотрел в потолок и думал о том, что даже супергеройская неуязвимость к холоду может убить, если не знать меры.

«В следующий раз сначала спрошу у родителей разрешения», – пообещал я себе.

А потом подумал: «А будет ли следующий раз?»

Прошёл месяц. Караван пришёл.

POV: Алена Жировская (мать ГГ)

Я схватила мужа за рукав и потащила через сугробы, сама не чуя ног. Страх гнал вперёд.

– Быстрее, Михаил, быстрее! Что, если он уедет?

– Не уедет, – тяжело дышал муж. – Караван всегда остаётся на неделю.

Ревизор стоял у телеги. Я ожидала увидеть обычного проверяющего, но этот... Высоченный, под два метра, шире любого мужика в деревне. Кожа обычная, человеческая, без кристаллов и синевы. Волосы короткие, чёрные, с белыми кончиками, небрежная щетина. А лицо... всё в шрамах – глубоких, белых, пересекающихся. И одна нога железная, с протезом, который скрипел при каждом шаге. Им впору детей пугать, а не людей проверять.

– Господин, – выдохнула я, подбегая. – Сын... ноги не двигаются. Уже три месяца. Мы всё перепробовали.

Ревизор повернулся ко мне. Глаза серые, холодные.

– Ведите. Но учтите, если это шутка... мне ещё других проверять.

Мы привели его в избу. Он наклонился над Альтаном, пощупал ноги, попросил согнуть – мальчик не мог.

– Вон, – сказал он нам. – Оба. Такая проверка может занять время. Мне не нужны помехи.

Я хотела возразить, но муж увлёк меня за дверь.

– Пойдём на площадь, – сказал он. – Всё равно надо продать товар и забрать нашу часть продуктов.

Мы пошли. Я оглядывалась на избу, но делать было нечего.

На площади караван развернул шатры. Пахло пряностями, сушёной рыбой, кожей. Я бродила между рядами, рассеянно разглядывая товары. Сердце болело о сыне. Но нужно было отвлечься.

В одном из шатров я увидела перчатки. Из необычной кожи – рыжей, с огненным отливом. Продавец, коренастый мужик с южным говором, расхваливал:

– Огненная лисица, княгиня. Забрела к нам из другого княжества, потерялась, бедная. Вот мы её... того. Шкура тонкая, но тёплая. Не промокает. Ребёнку в самый раз.

Я взяла перчатки. Мягкие, лёгкие. Альтану подойдут. Отсчитала монеты.

Потом продали шкуры, что муж накопил за зиму, и травы, что я сушила. Взамен получили муку, соль, немного яблок. Муж отправился за нашей частью провизии – положенного для покорёженных – а я вернулась к избе.

Ревизор сидел на крыльце, протирал свой протез тряпицей. Увидев меня, кивнул.

– Заходите. Я закончил.

В избе Альтан лежал на кровати, бледный, но живой. Я подбежала к нему.

– Всё хорошо, – сказал ревизор, заходя следом. – Ваш мальчик нечувствителен к температурам. Холод не чувствует, жар не чувствует. Это мутация, редкая. Ноги отойдут, но нужен массаж и мазь.

Он протянул мне глиняный горшочек и показал несколько движений на моей руке.

– Делать каждый день по два раза. Через месяц встанет.

Я разрыдалась. Муж, вернувшийся с ящиком продуктов, обнял меня за плечи.

– Но есть ещё кое-что, – ревизор посмотрел на Михаила. – Я проверил его кровь. Пергамент показал потусторонний свет. В нём сильна кровь охотника. У вас были охотники в семье?

– Отец, – ответил муж, вытирая мне слёзы. – Был охотником. Пока не покалечился.

– Понятно. Тогда слушайте. Если последствий от обморожения не всплывёт, у него есть шанс вступить в Орден. Лет через пять-шесть, когда подрастёт. Я теперь новый ревизор, Ирье-сфер, и буду приезжать каждые четыре года. Если подойдёт – заберу с собой вместе с другими желающими.

Я не знала, радоваться или плакать. Орден – это почётно, но это значит – возможность потерять сына в любой момент. Муж сжал мою руку.

– Благодарю, господин Иресьфер, – сказал он.

Ревизор кивнул и ушёл.

Я обернулась. Рядом с другой телегой, где старейшина договаривался о поставках, стоял Иван. Он смотрел на меня широко открытыми глазами, потом перевёл взгляд на удаляющегося ревизора. И в его взгляде я увидела зависть. Обиду. И боль.

Он ничего не сказал. Просто развернулся и зашагал прочь, высоко поднимая ноги, чтобы не увязнуть в снегу.

Конец POV

Мать вернулась в избу, села рядом со мной, погладила по голове.

– Всё будет хорошо, сынок, – сказала она. – Теперь нужно всего лишь месяц полежать – и всё наладится.

– Мама, – спросил я, чувствуя, как внутри копятя вопросы. – А кто был этот дядя? И что со мной?

Она мягко улыбнулась.

– Всё с тобой хорошо. Даже лучше, чем мы могли подумать. Мы просто будем каждый день разминать твои ноги – и они скоро придут в норму. Ты, в отличие от многих, не чувствуешь, холодно тебе или жарко. Это мутация. Но это не значит, что мы станем меньше тебя любить. А тот дядя – ревизор Ордена. Он привёз нам еду и одежду, а ещё приходил, чтобы забрать желающих детей в Орден.

– А что такое Орден?

– Орден Цветка рун, – ответила мать. – Они защищают нас от монстров. Их называют охотниками. Они герои, что поклялись не дать чудовищам убивать невинных.

– А почему ревизор Ордена, а не ревизор князя? Разве мы не часть Сибирского княжества?

Отец, который как раз вошёл с ящиком продуктов, хмыкнул и взял слово:

– Ты прав, мы часть княжества, а княжество – часть Северной Империи. Но Орден имеет большую автономию. Наша деревня – вассал Ордена. Десятину добытого мы отдаём им, а они отвечают за наше пропитание.

– А зачем Ордену забирать детей?

– Чтобы растить новых охотников, – сказал отец. – Это невероятно почётно. Многие мечтают попасть в Орден. Но туда берут не всех.

– А дед? – спросил я. – Дед был охотником?

– Был, – кивнул отец. – Его отправили в нашу деревню по просьбе старейшины – тогдашнего. И не зря: на нас напали три порождения теней, бежавшие от снежной бури. Дед справился с ними, убил, но не заметил, как подошла буря. Когда спохватился, было поздно: эвакуировать деревню он не успел. Сам выжил, но половина его тела стала похожа на кристалл. Орден отпустил его по состоянию здоровья. А следом приехала его жена – твоя бабушка – чтобы ухаживать за ним. Так наша семья и осела здесь.

– А что такое порождения?

Отец помрачнел.

– Это приспешники Студенца и Мракоты. Слуги Чернобога. Они приходят из Тьмы и Холода, убивают всё живое. Охотники с ними сражаются.

– А боги – они настоящие?

– Веруем, что настоящие, – ответил отец. – Церковь не для красоты построена.

Я слушал, раскрыв рот. Значит, у меня в крови охотничья жилка. Если я стану охотником, может, другие дети перестанут считать меня чужим? Тем более, я всегда мечтал быть героем.

Но когда я подумал об этом, откуда-то из глубины поднялась горечь и странное чувство вины. Почему? Неужели в прошлой жизни я совершил что-то ужасное?

Я не помнил. И не хотел вспоминать. Но чувствовал: что-то было. Что-то, что заставляло меня сомневаться в себе.

– Мам, – спросил я. – А те дети, которых забирают в Орден – они возвращаются?

– Редко, – тихо сказала она. – Но некоторые возвращаются.

– Я вернусь, – пообещал я. – Обязательно.

Отец усмехнулся.

– Сначала встань на ноги, герой. А потом думай об Ордене.

Я кивнул и закрыл глаза.

Этот мир полон тайн. Боги, порождения, Орден, семейные истории. Я не знаю, кем был в прошлой жизни. Но я обязательно раскрою все секреты. Сколько бы времени это ни заняло.

За окном выла метель. В избе пахло травами и теплом. А я лежал и смотрел в потолок, чувствуя, как мать массирует мои ноги, втирая мазь.

Впереди было ещё много лет. Много вопросов. Много ответов.

Но это – начало.

Глава 2 Иван и Аня.

POV: Ивана Сына Старейшины.

Прошло уже три дня с тех пор, как приехал караван Ордена вместе со страшным мужиком – ревизором Иресьфером. А этот тип ещё и живёт в нашей усадьбе! Бесит.

Сегодня должна была подойти отставшая часть каравана. Все, кто приехал с ним, очень похожи на этого приёмыша Альтана – гладкие, без кристаллов, с обычной кожей. Меня это злит и БЕСИТ! Почему какой-то приёмыш может стать охотником и уйти в Орден только потому, что он не покорёженный?

– Иван! – отец оторвал меня от раздумий. – Что ты сидишь? Я не для того забрал тебя из церкви раньше времени, чтобы ты бездельничал. Собирайся, идём на площадь встречать караван.

– Да иду я, иду... – буркнул я, но отец уже вышел.

Ммм, как всё бесит. Я понимаю, что должен в будущем стать старейшиной, но почему меня нельзя оставить в покое? И эти взгляды караванщиков... Ладно, делать нечего.

Мы втроём – я, отец и ревизор – стояли на площади. Наконец-то лето, снег почти сошёл, и метель не предвидится. Но от этого только хуже – вместо дорог сплошные болота. Жаль, что лето только месяц длится. Зато скоро старик поведёт нас с ребятами на озеро купаться.

– Не ёрзай, – рявкнул ревизор, даже не глядя на меня. Я замер. С этим типом лучше не спорить.

– Вон они, – сказал отец, шурясь вдаль.

О! Вижу караван. Что-то их многовато? А, теперь понятно, почему они отстали. Сорок телег – не шутка (первая часть была из четырнадцати). Караван подъехал, и люди начали выгружаться. К нам направился мужчина – такой же, как ревизор, но моложе и без шрамов, поменьше комплекцией. На плече у него висела странная палка – длинная, с кожаным ложе и тонкой железной трубой, на поясе – кинжал, похожий на отцовский. Я таких палок раньше не видел, но спросить постеснялся.

– Ревизор Иресьфер, старейшина Максим и... – он запнулся, глядя на меня.

– Иван, – подсказал отец.

– ...Иван. Видящий Роуз Зимин прибыл в деревню Бьюрон и готов передать командование старшему.

– Командование принимаю, – сухо ответил ревизор. – Можете быть свободны, видящий.

Видящий развернулся, но прежде чем уйти, окинул меня высокомерным взглядом.

– Смотри, парень, – бросил он. – Не лезь не в своё дело. Особенно в дела охотников. Понял?

Я опешил. Что я ему сделал? Он даже не знает меня. Я открыл рот, чтобы ответить, но отец сжал моё плечо.

– Понял, – выдавил я сквозь зубы.

Роуз хмыкнул и зашагал к каравану, высоко подняв голову. Ревизор Иресьфер горестно вздохнул и пробурчал себе под нос что-то неразборчивое. Я уловил только слова «молодость» и «ни операции».

Отец дождался, пока видящий отойдёт подальше, и сказал негромко:

– Иван, запомни. Видящие – это такие охотники, особые. Они стреляют из этих палок. – он кивнул в сторону уходящего Релуза. – А потом... потом операция. Замены глаз. Но тебе рано об этом знать.

– А что с глазами? – спросил я, чувствуя, как мурашки бегут по спине.

– Не твоего ума дело, – отрезал ревизор. – Скажу только, что не каждый выживает. А этот... – он покачал головой, – гонору много, а за плечами ничего. Пойдём, поможешь разгружать.

Я хотел спросить ещё, но отец с ревизором уже пошли к телегам. Я потоптался и поплёлся следом, разглядывая странную палку на плече видящего. «Стреляют из неё, значит, – подумал я. – Как из лука, только железная». Больше я ничего не понял.

Через несколько дней, когда солнце припекло по-настоящему, старик объявил, что вечером идём на озеро. Я обрадовался – хотелось смыть с себя липкую злость.

Но до озера нужно было ещё дожить. А пока я бродил по деревне без дела. Отец ушёл проверять ловушки, из друзей все заняты. Скучно.

И тут я увидел Альтана. Он сидел на поваленной берёзе у края деревни и смотрел на реку. Наша Бьюронка не замерзает даже в самые лютые морозы – течёт себе, дышит паром. Только по берегам лёд нарастает. Старик говорит, что это благословение Велеса.

Альтан сидел ко мне боком, поджав ноги. Шуба нараспашку, но рубаха с длинными рукавами, шея закрыта – всё по правилам. Из-под шапки выбивались седые вихры. Он что-то бормотал себе под нос и чертил палкой на снегу.

Я подошёл, стараясь ступать тихо, но снег хрустнул – он услышал, обернулся.

– Чего тебе, Рогов? – спросил он без злобы, скорее устало.

Я замялся. Не знал, что сказать. Просто подошёл, и всё.

– Скучно, – буркнул я. – Чего сидишь?

– На реку смотрю. Успокаивает.

– Тебя не за что успокаивать, – фыркнул я. – Ты всегда улыбаешься.

Альтан покачал головой.

– Это я снаружи улыбаюсь. Внутри – не всегда.

– И что у тебя внутри?

– А тебе какое дело? – он посмотрел на меня исподлобья, и я заметил в его глазах что-то такое, что заставило меня замолчать. Тоску, что ли? Или усталость.

Мы помолчали. Ветер качал ветки, река шумела.

– А давай наперегонки? – предложил я вдруг. – Давай до старой ели и обратно. Кто быстрее.

Альтан уставился на меня.

– Ты чего, Иван? Я же младше. И ноги после того обморожения ещё не до конца...

– Струсил? – поддел я, хотя в голосе не было настоящей злости.

– Дурак, – сказал он, но поднялся, отряхивая снег. – Ладно. Только не обижайся, если проиграешь.

– Я?

Мы встали рядом. Я чувствовал свою силу – меня учили бегать с отцом по лесу, через сугробы, с полной выкладкой. Мышцы гудели, но я был выносливым, как медведь. Альтан – лёгкий, как тростинка, но в его глазах горел азарт.

– Начали! – крикнул я и рванул.

Снег под ногами хрустел. Я бежал, широко шагая, разрывая сугробы. Сбоку мелькал Альтан – быстрее, намного быстрее на короткой дистанции. Я видел, как его ноги мелькают, словно он не касается земли. До старой ели он добежал первым. Я – через пару секунд, тяжело дыша, тоже добежал. Альтан стоял, уперев руки в колени, и тоже тяжело дышал, но потом поднял голову и вдруг рассмеялся.

– Ты... ты быстрее на длинной, – сказал он, всё ещё смеясь. – Но на короткой я тебя сделал. Хорошо, что мы не договаривались, какая дистанция.

– Хитрый, – буркнул я, но без злости.

– А то, – он улыбнулся. – Ты сильный, Иван. Я так не могу. Но я быстрее. А вместе мы – сила?

Я посмотрел на его ярко-голубые глаза, на седые вихры, выбившиеся из-под шапки. Он искренне хотел... чего-то. Мира? Дружбы? Я не знал.

– Посмотрим, – сказал я, но руку не пожал. Просто развернулся и пошёл к деревне, чувствуя его взгляд в спину.

В конце года наступили дни, которые все ждали со страхом и надеждой. Сначала – Прощание с прошлым годом. В этот день температура резко падала даже по нашим меркам, за сорок-пятьдесят градусов, отец посмотрев на температурник сказал, что на улице 67 градусов. Вся деревня сидела по домам, не высывая носа. Молились, зажигали свечи, вспоминали ушедших. Отец рассказывал, что Студенец проверяет живых на прочность.

А на следующий день – Приветствие нового года. Мороз отступал до обычных двадцати-тридцати градусов, и начинался пир.

Я сидел в церкви, помогая старику развешивать сухие травы. В церкви было тепло – старик затопил печь, и мы дышали паром. Я заметил, что он часто кашляет, и спросил:

– Старик, а почему праздник Равновесия так называется?

Он присел на лавку, вытер лоб рукавом.

– Древний это праздник, паря, – начал он, и голос его стал тише, словно он рассказывал тайну. – Истоки его неизвестны даже ведунам. Но точно известно: берёт он начало из княжества, что создали Волоты, ростом с сосну. Они почитали Перуна и Чернобога как отца и мать – один даёт силу, другой – испытание. В день, когда свет и тьма равны, волоты выходили на поединки, чтобы показать богам свою готовность. А после того как волоты исчезли – кто говорит, Мракота их сожрал, кто – сами ушли под землю, – праздник перешёл к людям.

– И теперь мы бьёмся стенкой на стенку?

– И теперь вы бьётесь, – кивнул старик. – Но не только. В этот день нельзя врать, нельзя обманывать, нельзя трусить. Потому что Перун видит всё, а Чернобог взвешивает. Пока мы помним об этом – связь с древностью не рвётся.

Я задумался.

– А волоты правда существовали?

– Веруем, что да, – старик улыбнулся. – Церковь не для красоты построена, паря. В её стенах – память о тех, кто был до нас.

На следующий день началось Приветствие. Площадь украсили лентами и ветками, разожгли костры. Пахло жареным мясом, пряниками и хвоей. Взрослые смеялись, дети бегали.

Старик-смотритель церкви вышел на середину в своём белом балахоне с патчами. Я не понимал, что означают эти знаки, но выглядело всё торжественно. На голове у старика был венок из сухих веток с красными ягодами. И он стоял босиком на снегу, не дрожа – я всегда удивлялся, как он это делает.

– Перун! – крикнул он, и голос его разнёсся над головами. – Громовержец! Оставь нас такими же сильными в новом году!

Потом повернулся к западу, где садилось солнце, и продолжил:

– Чернобог! Прими наше доказательство: мы сильны, и мы выдержим твои испытания! Смотри, как мы бьёмся!

– Да будет так! – ответили все взрослые хором, и даже мы, дети, подхватили.

Началась стенка на стену. Участвовали все – и мужчины, и женщины. Взрослые выступали первыми, бились с грохотом и хохотом, а потом наступила очередь детей.

Меня поставили в «Перуновы» с длинным копьём. Альтан оказался среди «Чернобогов» с коротким мечом. Я видел его лицо – он нервничал, покусывал губу, но глаза горели.

– Никаких ударов в лицо и пах! – напомнил старик. – Начали!

Мы сошлись. Я атаковал копьём, целясь в плечо. Альтан увернулся, рубанул по древку – я удержал, отбил, толкнул его в живот. Он охнул, но не упал, отскочил. Он был быстрее – крутился ужом, пытаюсь зайти сбоку. Я наступал, заставляя его отступать, пока он не споткнулся о корягу и не рухнул в снег.

– Выбыл! – крикнул старик.

Я обернулся, чтобы помочь своим, и тут что-то с глухим стуком ударило меня по затылку. Снег взметнулся перед глазами. Я рухнул лицом вниз, потеряв дыхание.

Кто-то помог мне подняться – я обернулся и увидел девочку, которую раньше не замечал. Голубая кожа, белые волосы, заплетённые в косичку. В руке – деревянный меч.

– Это тебе за Альтана, – сказала она спокойно. – Нельзя быть таким гордым.

– Ты... кто?! – прорычал я, потирая затылок.

– Аня, – ответила она. – И советую запомнить: сильным тоже нужен ум.

– Она права, – сказал Альтан, выбираясь из сугроба и отряхивая снег. – Ты классный воин, Иван. Но думать надо не только о силе, но и о том, что зади.

Я хотел заорать, что это нечестно, но взрослые уже смеялись. Даже отец ухмылялся. Я чувствовал себя дураком, но злость почему-то быстро прошла.

– В следующий раз оглядывайся, – бросила Аня, проходя мимо. И добавила через плечо: – Ты вообще молодец. Сильный. Но не зазнавайся.

После того как стенка на стенку закончилась и взрослые ещё долго обсуждали, кто кого, старик объявил ярмарку. Прямо на площади, там, где мы только что дрались, купцы из каравана разворачивали свои шатры. Пахло пряностями, жареным мясом и чем-то сладким – пирогами, наверное.

– Иван, иди уже, – махнул рукой отец, когда я задержался, разглядывая деревянные фигурки на одном из лотков. – Не стой столбом.

– А можно мне...

– Можно, – усмехнулся он. – Только без глупостей. И смотри не потеряйся.

Я пошёл между рядами, глаза по сторонам. Чего тут только не было! Ткани всех цветов – синие, зелёные, даже красные, хотя красный я видел только на поясе у ревизора. Ножи с узорами на лезвиях – отец сказал бы, что это для баловства, не для дела, но красиво. Сушёная рыба, которую можно жевать как хворост, и странные фрукты – сморщенные, коричневые, похожие на маленькие копытца.

– Иван! – услышал я голос Ани.

Она стояла у лотка с украшениями – дешёвыми, из меди и бересты, но на солнце они сверкали так, что глаза слепило. Серёжки, браслеты, заколки для волос. Аня разглядывала одну заколку – с голубым камешком, похожим на кусочек льда.

– Красивая, – сказал я, подходя.

– Ага, – мечтательно выдохнула она, но тут же отложила. – Дорогая, наверное.

– Эй, молодёжь! – окликнул нас дядя Зосим, местный пекарь. Он стоял у своей телеги, раздавая пирожки всем, кто проходил мимо. – Не проходите мимо! Горячие, с капустой и грибами! Берите, пока не остыли!

Он сунул нам по пирожку – огромному, с хрустящей корочкой. Я надкусил, обжёг язык, но было вкусно. Аня ела аккуратно, маленькими кусочками, и я заметил, как она украдкой снова посмотрела на тот лоток с украшениями.

– Тебе правда та заколка понравилась? – спросил я с набитым ртом.

Аня покраснела.

– Да нет... просто красивая.

– Купить?

– Что ты, – она замахала руками. – Это же дорого. У меня и денег таких нет. И вообще, я лучше сама сделаю.

– Сама? – удивился я.

– Ну... из бересты. Или из кости. Умею немного.

Я посмотрел на её руки – тонкие, с длинными пальцами. Не такие, как у других деревенских девчонок, вечно занятых то стиркой, то готовкой. Анины руки всегда были чистыми, и пахло от них травами.

– Ты, наверное, многое умеешь, – сказал я.

– Не так чтобы, – она отвела взгляд. – Мама учила знахарству. Это что-то вроде семейное дело, ведь мои бабушка, дедушка, папа и мама занимались знахарством. А я... хорошо запоминаю.

Она помолчала, потом вдруг полезла за пазуху и вытащила небольшую книгу – толстую, в кожаном переплёте, с потёртыми краями.

– Это «Полный травник Сибирского княжества», – сказала она почти шёпотом. – Дедушка написал. Вернее, он собирал, а записывали другие. Но это копия, не оригинал. Оригинал в Цитадели хранится.

– Можно посмотреть? – спросил я, протягивая руку.

Она дала. Я открыл – страницы были плотные, шершавые, пахли старым деревом и чем-то горьким. Внутри – рисунки растений, мелкие буквы, какие-то пометки на полях.

– Дедушка много лет собирал эти сведения, – продолжала Аня, и в её голосе появилась гордость. – Ездил по всему княжеству, записывал, зарисовывал. Говорят, это одна из самых полных энциклопедий по травам. И не только по ним – там и про грибы, и про корни, всё что в лесу растёт.

Я перелистнул страницу. Рисунок травы с подписанными различиями и для чего используется: «корень – от лихорадки, если настоять на мёду», «сок – при обморожениях, но не более двух капель». Дальше – рисунок засохшего цветка с ледяными лепестками.

– А это что? – спросил я.

– А, это, – Аня придвинулась ближе, её голова почти касалась моего плеча. Пахло от неё полынью и чем-то сладким, как от сушёных яблок. – Это ледяной одуванчик. Самое редкое растение в наших краях. Растёт только в глубоком лесу, и то раз в несколько лет. Говорят, если его съесть, ты умрешь от того, что твоя кровь просто замерзнет, но для покорёженных – это легендарный эликсир. Но добыть его почти невозможно.

Я закрыл книгу.

– Ты говоришь, хорошо разбираешься в знахарстве?

– Не хвастаюсь, но да, – кивнула Аня. – Мама говорит, у меня талант. Я запоминаю всё, что вижу и слышу про травы.

Я вдруг вспомнил. Старик. Он последнее время плохой – кашляет, кристаллы на лице стали какими-то мутными, и дышит тяжело. Я видел его, когда мы шли от площади. Он сидел на крыльце церкви, закутанный в шкуры, и трясся. Взрослые говорили, что кристаллы стали терять силу, и никто ничего не может сделать.

– Аня, – сказал я, чувствуя, как внутри тяжелеет. – Пойдём. Пойдём со мной.

– Куда?

– В церковь. К старику. Он плох. Может, ты поможешь?

Она посмотрела на меня, и в её глазах не было сомнений.

– Конечно. Только книгу оставляю у себя в телеге. Это же ценность.

Мы побежали. Я – впереди, она – чуть сзади, держась рукой за ремешок, чтобы не упасть. На углу я чуть не сбил с ног Витьку, но даже не извинился.

Церковь стояла в конце деревни, у самого леса. Деревянная, трёхэтажная, с узкими окнами. Я толкнул тяжёлую дверь, и мы ввалились внутрь.

В церкви было тепло – старик затопил печь, но сам сидел на лавке у стены, закутанный в одеяло, бледный, почти белый. Его руки, униженные кристаллами, дрожали.

– Старик! – я подбежал к нему, опустился на колени. – Я привёл Аню. Она знахарка. Она поможет.

Старик приоткрыл один глаз – мутный, с потускневшей радужкой. Усмехнулся, и в усмешке этой было столько усталости, что у меня сердце сжалось.

– Знахарка, говоришь? – его голос был тихим, как шорох листьев. – Маленькая совсем. Что ж, давай, девочка, покажи, чему тебя мать учила.

Аня подошла, взяла старика за руку – осторожно, словно боялась сломать. Посмотрела на кристаллы, на бледную кожу, пощупала лоб.

– Жар, – сказала она. – Сильный. Дыхание хриплое. Кристаллы мутные – значит, болезнь внутри.

Она открыла свою книгу, пролистала до закладки.

– Вот, – ткнула пальцем. – Сон-трава, корень девясила, настой на берёзовых почках. Это снимет жар и укрепит лёгкие. Но кристаллы...

– Кристаллы не вылечить, – перебил старик. – Ты и сама знаешь, девочка. Когда они начинают мутнеть – значит, душа уходит. Тут никакими травами не поможешь.

Аня побледнела.

– Но есть одно средство... – начала она.

– Ледяной одуванчик, – закончил старик. – Знаю. Только где его взять? Он растёт в глубине леса, там, где даже покорёженные не ходят. Да и цветёт раз в несколько лет. Не найти.

– Старик, – я схватил его за руку, чувствуя, как горло сдавливает ком. – Не говори так. Мы найдём. Я пойду.

– Ты, Иван, – он покачал головой, – горячая голова. Туда идти – значит не вернуться. Лучше останься здесь.

– Нет, – сказал я. И сжал его пальцы. – Я не позволю тебе умереть. Ты меня учил грамоте. Ты меня из-под трибунала вытащил, когда я Витьку утопить хотел. Ты... ты единственный, кто не смотрит на меня как на урода.

Я обнял его. Прямо так, сидя на коленях, прижался к плечу, чувствуя, как под одеялом дрожат его кости.

– Ты не умрёшь, старик. Слышишь? Не умрёшь.

Аня стояла рядом, сжимая свою книгу, и я видел, как по её щеке течёт слеза.

– Я найду способ, – сказал я. – Я обещаю.

Старик ничего не ответил. Только положил свою ледяную ладонь мне на голову, как когда я был маленьким, и тихо вздохнул.

Снаружи гремела ярмарка, смеялись люди. А внутри церкви, в тишине и полумраке, я держал старика за руку и думал о том, что никогда никому из своих людей не позволю умирать. Никогда.

Шло время. Два года пролетели незаметно. Мне уже восемь, Альтану шесть. Я почти забыл о той стычке на празднике, но иногда ловил себя на мысли, что смотрю на Альтана иначе. Не с ненавистью, а с... любопытством.

А потом умер старый дед Альтана.

Я услышал об этом от отца. Он пришёл с совета старейшин, помрачневший.

– Старый Жировский отошёл, – сказал он. – Кристаллы дошли до сердца. Ничего не могли сделать.

Отец посмотрел на меня.

– Пойдёшь со мной на похороны. Ты сын старейшины, должен уметь провожать ушедших.

Я кивнул. Внутри шевельнулось неприятное чувство – не страх, а тяжесть. Я вспомнил мать. Её я почти не помнил – только запах молока и тёплые руки. Она умерла, когда я родился.

Женщины в деревне говорили, что она была красивая, но слабая. Роды её убили. Точнее я. Своими кристаллами я разорвал её изнутри.

Похороны проходили на лесной поляне за церковью. Тело деда Альтана, обложенное дровами, лежало на погребальном костре. Альтан стоял рядом с отцом, Михаилом. Его плечи вздрагивали, но он не плакал – просто сжимал кулаки так, что костяшки побелели. Кристаллов у него не было, но боль была видна.

Старик-смотритель церкви стоял в необычной одежде: открытый белый балахон с непонятными знаками, штаны из толстой кожи. На голове – венок из сухих веток с красными ягодами. И он стоял босиком на снегу, не дрожа, твердо, как будто его не терзает болезнь.

Старик начал петь. Голос его звучал негромко, но проникал в самое нутро. Я не понимал всех слов – там были имена богов, и какие-то старые слова, – но слушал, затаив дыхание.

– Перун, распахни чертоги, Встреть душу у порога. Дажьбог, зажги светильник, Укажи путь во тьме. Чернобог, прими в равновесье, Взвесь дела его добрые и злые. Мокошь, возьми за руку, Проведи через реку забвенья.

– Прими, земля, его тело, Прими, лес, его боль. Пусть сердце срастётся с корнями, Пусть снег унесёт его след. Мы помним. Мы любим. Мы отпускаем.

Он повторял эти строки снова и снова, и лес вторил ему – ветви скрипели, снег потрескивал. А когда старик поджёг дрова, пламя взвилось высоко, и мне показалось, что в огне мелькнул чей-то силуэт.

На глазах защипало. Я отвернулся, чтобы никто не видел. Альтан стоял неподвижно, и только слёзы текли по его щекам, замерзая на морозе.

Когда костёр прогорел, старик собрал пепел в глиняную урну, и мы пошли в лес. На поляне среди старых сосен он развеял пепел по ветру. Лес заскрипел сильнее – ветви зашевелились без ветра, снег вздохнул.

– Приняли, – прошептал старик. – Духи леса приняли его.

После церемонии старик подошёл к моему отцу и вручил свёрток бересты.

– Последнее желание покойного, – сказал он. – Просил передать тебе, Максим. Он хотел, чтобы Жировские продолжили путь охотников. Его внук – Альтан – не должен потерять охотничью кровь. Ты обещал когда-то другу.

– Обещал, – тихо ответил отец. – И выполняю.

Я посмотрел на Альтана. Он стоял у дерева, сжимая кулаки, и я впервые увидел в его глазах не просто упрямство, а боль. Настоящую, боль.

«Может, он не такой уж и счастливый, – подумал я. – Может, ему тоже тяжело».

Прошло ещё два года. Мне девять, Альтану скоро восемь. Следующим летом он уезжает в Орден – так сказал отец на прошлой неделе. Я слышал, как отец говорил матери Альтана: «Парню нужен шанс. Кровь охотника не пропадать же».

В тот день приехали новые семьи с караваном – гладкие, из других деревень. Мы, местные, смотрели на них с опаской, но старик – который уже выглядел совсем плохо, бледный, с синими губами – сказал:

– Идите на озеро. День тёплый, надо детей развлечь.

Альтана не было. Он часто гулял в лесу и в этот раз простудился – лежал в избе, пил отвар, охрипшим голосом ругался с матерью, которая не пускала его на улицу. Я знал это, потому что накануне видел его в окно – бледного, сердитого, с кружкой отвара. Он кашлял, но глаза блестели по-здоровому. «Скоро встанет», – подумал я.

На озере Витька, как обычно, начал первым.

– Смотрите, как трясутся! – крикнул он, указывая на гладких приезжих, которые кутались в рубахи и дрожали на ветру. – Мокрые курицы!

– Заткнись, кристаллик! – огрызнулся высокий парень лет десяти. – У тебя самого из локтей сосульки торчат. Ты не в воде, а в соли купаться собрался?

– А ну не трогай наших! – выступил я, выходя вперёд.

– О, ещё один синий! – засмеялся второй приезжий. – Что, тоже боишься, что льдинки отвалятся?

– Сам ты ледышка, – бросил я. – Мы не боимся. А вы трясётесь как зайцы.

– Да пошли вы, покорёженные! – крикнул кто-то из толпы гладких.

И началось.

Я не успел даже сжать кулаки, как в меня прилетело что-то тяжёлое – камень? Нога? – и я отлетел к коряге. Вокруг уже месили друг друга. Кто-то кричал, кто-то плакал. Я вскочил и увидел, что двое приезжих навалились на Витьку. Тот закрывался руками, но кристаллы на локтях мешали – они цеплялись за одежду.

– Отойдите от него! – заорал я и с размаху врезал одному из них в челюсть.

Парень пошатнулся, но не упал. Второй развернулся и ударил меня в живот. Я согнулся, потерял дыхание. В ушах зашумело. Кто-то сзади схватил меня за волосы, дёрнул вверх. Я лягнул наугад – попал. Меня отпустили, но тут же кто-то прилетел камнем в лоб.

Перед глазами поплыло. Тёплая кровь потекла по лицу.

– Хватит! – закричал чей-то голос. – Немедленно прекратить!

Я оглянулся сквозь красную пелену. Из леса вышел наш старик-воспитатель. Он выглядел ужасно – бледный, тяжело дышал, рука дрожала. Но глаза его были жёсткими.

– А ну разошлись! – рявкнул он.

В него полетели камни – один попал в плечо, другой просвистел мимо. Парни не унимались.

Старик помрачнел. Он двинулся к зачинщикам – спокойно, но быстро, – и в два счёта схватил обоих за шкурки. Те заверещали, попытались вырваться, но он прижал их к земле, как котят.

– Стоять всем! – крикнул он остальным. – Кто тронется с места – будет стоять в воде до вечера.

Все замерли. Старик поднял парней за воротники и поставил их перед собой. Те дрожали – то ли от холода, то ли от страха.

– Вы, – начал старик, глядя на приезжих, – будете стоять на самом холодном краю озера по пояс. До тех пор, пока я не разрешу выйти. – Он перевёл взгляд на меня, Витьку и ещё нескольких наших, кто активно участвовал. – Вы – на колени на камни.

Когда стемнело и старик наконец отпустил нас, я сидел на камнях, разбитая губа кровоточила, ноги затекли. Аня подошла ко мне, вытатила тряпицу с мазью.

– Сиди смирно, – сказала она. – Мать дала. Говорит, если кто поранится – помогай.

– Спасибо, – буркнул я, морщась от боли.

Она ловко обработала рану, потом сказала негромко:

– Знаешь, Иван, я сегодня в деревне слышала. Девочку из соседней деревни, которая ушла на призыв в гарнизон, убили. При защите разорённого города. Ей было шестнадцать.

Я молчал.

– Жизнь короткая, – продолжала Аня. – Альтан скоро уезжает. Ты так и будешь злиться на него? Ты же сам видишь – он не враг. Просто другой. И он тебе ничего плохого не сделал. Наоборот – всегда был честным.

– Я не злюсь, – тихо сказал я. – Я... не знаю, как сказать. Он меня бесит, но... может, я просто боюсь, что он уедет и станет героем, а я тут останусь?

– А что в этом плохого? – Аня пожала плечами. – У каждого своя дорога. Ты станешь старейшиной, как отец. Будешь защищать деревню. Это не хуже, чем быть охотником.

Я задумался.

– Ты правда так думаешь?

– Правда. – Аня встала. – Иди домой, Иван. А когда Альтан выздоровеет – поговори с ним. Просто поговори. Не дерись.

Я побрёл к избе Жировских. Ноги сами принесли. Заглянул в окно – Альтан сидел на кровати, укутанный в шкуры, и пил отвар из кружки. Рядом сидела его мать, поправляла одеяло. Он кашлял, но глаза уже блестели почти по-здоровому.

«Подойти? – подумал я. – Сказать что-то?»

Слова застревали в горле. Я хотел сказать: «Прости, что злился». Или: «Ты нормальный парень». Или просто: «Мир».

Но не мог. Стыдно было. И страшно – вдруг он засмеётся? Или не поймёт?

Я постоял, глядя на его силуэт в окне, потом повернулся и пошёл домой.

– После того как поправится, – сказал я себе. – Тогда и поговорю. Честно. Без обид. Может, даже руку пожму. Но не сейчас. Ещё не время.

За спиной скрипнула дверь избы – кто-то вышел. Я ускорил шаг, не оборачиваясь.

Лес за деревней скрипнул ветвями, словно соглашаясь.

Конец POV: Ивана Сына Старейшины.

Глава 3 Взросление. Прощание.

Май 1418 года п. н.

Прошло два года с того дня, как в деревню приезжал караван вместе со страшным ревизором Иресьфером. Мне уже восемь лет, и я давно перестал быть тем беспомощным малышом, которому мать массировала ноги. Теперь каждое утро я вскакивал с первыми лучами солнца – солнце здесь летом вставало рано, хотя грело слабо, – разминал суставы и бежал к отцу. Он брал меня с собой в лес.

Я был непоседой, вечно полным вопросов. Отец говорил, что в моём возрасте он был тихоней, а я – просто ураган.

– Альтан, не беги впереди отца! – кричала мать вслед, когда мы выходили за околицу. – Упадёшь ещё!

– Не упаду! – кричал я в ответ и всё равно нёсся вперёд, пока отец не хватал меня за шкуру и не ставил рядом.

– Тише, – усмехался он, поправляя ремень с ножом. – Лес не любит шумных. Затаится – и не заметишь, как сам станешь добычей.

Мы бродили по окрестностям часами. Снег здесь лежал девять месяцев в году, превращаясь в грязь и слякоть лишь на короткий месяц лета. Я же не чувствовал ни холода, ни тепла – только видел, как пар вырывается изо рта отца, и удивлялся. Моя мутация, о которой говорил ревизор, делала меня неуязвимым к температурам, но тело всё равно реагировало. Мать предупреждала: если я суну руку в огонь, то сожгу её, даже не ощутив боли. Поэтому я старался быть осторожным.

Отец учил меня всему, что знал сам. Лесничий – не охотник, он не убивал порождений. Но он знал лес как свои пять пальцев: где растут редкие травы, где водятся звери, какие деревья лучше взять на дрова, а какие оставить на семена. И главное – он знал, как не стать добычей.

Первым делом – следы.

– Смотри, – отец присел у старой сосны, указывая на кору. – Кора ободрана на высоте полутора метров. Лось. Кормился. Но царапины свежие – значит, был здесь сегодня утром. Видишь, как задирается кора снизу вверх? Лось трётся рогами. А вот если кора ободрана сверху вниз и глубоко – это медведь точил когти.

Я присел рядом, провёл пальцем по шершавой коре. В голове откладывалась картинка.

Отец показывал мне, как определить направление зверя по сломанным веткам, по прижатой траве и снегу, по крошечным комочкам шерсти, застрявшим в коре. Я запоминал быстро – у меня была хорошая память.

– Ты слишком нетерпелив, – ворчал отец, когда я сбивался. – Терпение – главное оружие лесничего. Зверь не торопится, и ты не торопись.

Он научил меня определять пение птиц. И тут я узнал о местной азбуке морзе.

– Слышишь пение птиц? Это не просто пение это язык. Ты наверно не замечал ведь они поют везде. Но их пение часто имеет разную интонацию и частоту. Этим пользуются старые лесничие для общения, ведь как и люди зверь перестаёт обращать внимание на то, что звучит на периферии. Эту мелодию поёт Снеж. Да глупое, но не менее описывающая их название, – и тут он указывает на одну из веток ели. На ней нахохлившись села маленькая птица что напоминает собой пушок снежка. И честное слово, если бы отец мне не указал на него я бы ни за что не увидел его, ведь он полностью сливается с сугробом на ветке.

Потом была стрельба из лука. Отец смастерил мне маленький лук из гибкого клёна, тетиву сплёл из жил. Первые дни я только и делал, что целился в деревянного истукана, которого мы поставили на краю поляны.

– Дыши ровно, – командовал отец, стоя сзади и поправляя мне локоть. – Не дёргайся. На выдохе отпуская тетиву. Рука должна быть мягкой.

Стрела летела в молоко. Я злился, сжимал лук так, что костяшки белели.

– Не получается! – выпалил я после десятого промаха.

– Получается, – спокойно ответил отец. – Просто не сразу. В твоём возрасте я тоже был таким же. Мой отец говорил: «Сынок, если ты будешь так дёргаться, то уйдёшь в лес, а вернутся одни твои кости». Но я научился. И ты научись.

Я стиснул зубы и продолжил. Через месяц я уже мог попасть в истукана с двадцати шагов. Отец хвалил, но скупое – чтобы не зазнавался.

– Хорошо, – сказал он, осматривая мишень. – Но в бою мишень не стоит на месте. Зверь движется, уворачивается. Научись стрелять по движущейся цели – тогда и будем говорить, что ты стрелок.

Я кивнул, хотя внутри кипело желание доказать, что я справлюсь уже завтра.

А ещё отец учил меня травам. Это была мамина часть, но отец тоже многое знал. Он показывал мне, что можно есть, а что – смертельный яд. Мы собирали иван-чай, смородиновый лист, зверобой. А потом он показал мне сонный лишайник.

– Запомни, – отец отодрал от северной стороны сосны серый мохнатый комок. – Это сонный лишайник. Растёт только с северной стороны, где солнце не достаёт. Если растереть и смешать с водой – зверь уснёт на несколько часов. Но не переборщи: для человека передозировка – смерть.

– Зачем нам усыплять зверя? – спросил я, разглядывая лишайник. Он пах горько и сыро.

– Затем, что не всякого зверя нужно убивать. Иногда надо пометить, перенести, спасти от браконьеров. Лесничество этим занимаются редко, но уметь надо.

Он помолчал, потом добавил:

– Мой учитель, старый лесничий, умел усыпить волка одним броском лишайника в морду. Он был... особенным.

– Особенным?

– Другом твоего деда. Я тебе о нём ещё расскажу.

Я запомнил эти слова.

Однажды, возвращаясь из леса, мы увидели у околицы несколько незнакомых телег. Грязные, ободранные, с пожитками, наваленными как попало. Взрослые говорили тихо и оглядывались. Дети жались к матерям.

– Кто это? – спросил я отца.

Отец помрачнел.

– Беженцы. Из города, что разорили порождения в прошлом году.

– А почему они здесь?

– Законник требует, – ответил он, не глядя на меня. – Мы обязаны принять их хотя бы временно, пока власти не найдут, куда расселить. Княжество не может всех сразу разместить, вот и раскидывают по ближайшим деревням.

– А нам это не опасно? – спросил я, чувствуя, как внутри зашевелилось тревожное.

– Всё может быть, – отец пожал плечами. – Но Законник сказал – значит, выполняем. Иначе штраф, а то и хуже.

Беженцы смотрели на нас, покорёженных, с ужасом и отвращением. Я видел, как одна женщина оттащила своего ребёнка подальше, когда мимо прошёл дядя Зосим – пекарь, у которого кристаллы торчали из щёк, как бородавки. А мы, местные, смотрели на беженцев с обидой. Пришли, заняли места, принесли свои порядки.

Я подумал: «Когда я стану охотником, они поймут, что покорёженные – не монстры. Мы такие же люди. Даже лучше».

Однажды утром, после того как я окончательно выздоровел, отец сказал:

– Завтра пойдём в глубь леса. Хочу тебя кое-кому представить. Но запомни: что бы ты ни увидел – не кричи, не беги, не делай резких движений. Это место, где человек – гость, а не хозяин.

Мы шли долго – мимо знакомых берёз, через ручей, по едва заметной тропе, которую я раньше не замечал. Чем дальше, тем тише становилось. Даже птицы замолкали.

– Почему так пусто? – спросил я шёпотом.

– Потому что здесь живёт Королева леса, – ответил отец. – Не всякий зверь рискнёт приблизиться. Я хожу сюда каждый год и прошу удачи на добычу.

– А что ты ей даёшь взамен?

– Плата будет потом, – отец шёл, не оборачиваясь. – Когда Ждан вырастет и сможет заменить меня, я уйду в лес. Отдам себя лесу – тем самым верну долг.

Я хотел спросить, что значит «отдам себя», но язык не повернулся.

Мы обогнули огромный валун, поросший мхом, и я увидел поляну.

Среди вековых сосен и елей расцвели цветы. Полупрозрачные, с ледяными лепестками, переливавшимися на солнце, как осколки зеркала. В воздухе пахло свежестью и горчинкой.

– Ледяные одуванчики, – тихо сказал отец, и в его голосе прозвучало удивление. – Я не видел их уже лет десять. Они появляются очень редко, раз в несколько лет, и только в особенных местах.

– Старик в церкви совсем плох – кристаллы мутнеют, душа уходит. Если бы не он, я бы не рискнул просить, – также тихо сказал отец.

В центре поляны сидела Она.

Посреди ледяных одуванчиков, в сиянии полупрозрачных лепестков, лежала та, кого называют Хозяйкой. Её шерсть не была просто серой — она переливалась, как мерцание северного сияния, и на её холке искристый иней складывался в замысловатые узоры, похожие на древние руны.

Рысь была огромна — её холка возвышалась выше отцовского пояса, а дыхание вырывалось из ноздрей медленными струйками ледяного пара, не тающего в воздухе. Она не шевелилась, но казалось, что вокруг неё сам воздух застыл в благоговении. Когда она моргнула, веки её двигались неторопливо, как у существа, у которого нет врагов и нет нужды спешить. Это была не просто кошка, это был дух леса, принявший плоть из снега, инея и древней силы.

– Приветствуем тебя, Королевская рысь, – прошептал отец и опустился на колени. – Хозяйка этих лесов. Мы пришли оказать почтение.

Я опустился рядом. Колени сразу промокли от сырой земли, но я не смел пошевелиться.

– Отец, их много? – спросил я шёпотом.

– В Сибири – несколько. Каждая правит своим лесом. Но эта – молодая. Я встретил её ещё котёнком, когда только становился лесничим. Её мать умерла в схватке с порождениями.

Рысь моргнула. Медленно поднялась, и я увидел, какая она огромная – в холке выше отца. Она сделала шаг, другой, и остановилась в двух метрах от нас. Её дыхание было тёплым, с запахом хвои и снега.

– Прошу, – сказал отец, не поднимая головы. – Позволь моему сыну собрать немного одуванчиков. Наш старик умирает.

Рысь долго смотрела на меня. Я не смел дышать. В голове билась только одна мысль: «Не шевелись, не смотри в глаза, не показывай страха».

Потом она развернулась и улеглась на пригорке, отвернувшись, словно говоря: «Делайте, но быстро».

– Можно, – выдохнул отец. – Бери два цветка. Не больше. Сорви осторожно, не повреди корни. И не дыши на них – пар согреет, они растают.

– Запомни, Альтан, – сказал отец, когда мы отошли подальше и он выпрямился. – Лес – живой. И у него есть хозяева. Относись к ним с уважением – они помогут. А тронешь не то, что просил – накажут.

Я кивнул, прижимая цветы к груди. Они не вяли, не таяли. Казалось, они живут своей жизнью.

Вернувшись в деревню, я отдал одуванчики отцу. Мы пошли в церковь. Внутри пахло ладаном, сушёными травами и ещё чем-то горьким – может, болезнью.

Старик лежал на лавке у стены, закутанный в шкуры. Синий, почти белый, кристаллы на его лице стали мутными, как зимнее небо перед снегопадом. Рядом на стуле сидел Иван – сын старейшины. Он держал старика за руку и смотрел в одну точку.

Увидев нас, Иван вздрогнул, но ничего не сказал. Я заметил, что его глаза покраснели – то ли от недосыпа, то ли от слёз.

– Старик, – отец поднёс цветок к его губам. – Жуй. Не торопись.

Старик приоткрыл один глаз – мутный, с потускневшей радужкой.

– Жировский... – прошептал он. – Рискнул. Спасибо.

Он разжевал лепесток, скривился – видимо, вкус был отвратительным – и проглотил. Я ждал. Минута, другая. Потом его лицо начало наливаться краской, словно кто-то разжёт внутри него огонь. Кристаллы на скулах снова наполнились синевой – яркой, живой. Он выдохнул – глубоко, без хрипа – и приподнялся на локтях.

– Легче, – сказал он, и голос его стал твёрже. – Спасибо, парни.

– Старик, – спросил я, чувствуя, как внутри отпускает напряжение. – Ты бы помер, как дед?

– Может, и помер бы, – усмехнулся он. – Но пока жив – буду вас учить уму-разуму.

Он засмеялся – уже здоровым, раскатистым смехом. Я засмеялся следом. Иван улыбнулся краем губ, но быстро отвернулся, пряча глаза.

Отец положил руку мне на плечо.

– Пойдём. Пусть старик отдохнёт.

Я вышел, но на пороге обернулся. Иван что-то шептал старику, склонившись к самому уху. Я не расслышал слов, но заметил, как его плечи дрожат.

«Он тоже переживает, – подумал я. – Может, он не такой уж и злой».

POV: Иван

Когда Альтан принёс ледяные одуванчики и спас старика, я долго ходил сам не свой. Зависть грызла меня изнутри, как ржавчина железо.

Я ведь тоже обещал. Помню тот день на ярмарке, когда мы с Аней прибежали в церковь, и я обнимал старика, клялся, что найду способ. Стоял на коленях, чувствуя, как дрожат его кости под одеялом, и говорил: «Ты не умрёшь». А потом Аня открыла свою энциклопедию, показала ледяной одуванчик и сказала, что добыть его почти невозможно. Но я всё равно поклялся.

И что? Ничего. Только языком молол. А Альтан взял и сделал. Сходил в лес, нашёл Королевскую рысь, вернулся с цветами. Рисковал жизнью – и не ради себя, ради старика.

Я сидел на задворках церкви, на старом бревне, и смотрел на свои руки. Синие, с кристаллами на костяшках. Уродские руки. Ими я умел держать нож и строгать дерево – старик хвалил меня за терпение. Но этого было мало.

Из-за угла вышла Аня. За эти два года она стала моим самым близким другом. Мы часто гуляли вместе, и я помнил, как на той же ярмарке она показала мне свою книгу. Тогда я впервые понял, как много она знает о травах. И как глупо я выглядел со своей злостью на Альтана.

– Опять ты сидишь один? – спросила она, присаживаясь рядом. На ней была синяя шуба, подбитая заячьим мехом, а в волосах – простая берестяная заколка. – У тебя лицо как у мыши, что обиделась на крупу. Что случилось?

– Альтан спас старика, – выдохнул я, не глядя на неё. – А я только обещал.

– Ты не виноват, – тихо сказала Аня. – Ледяные одуванчики растут в таком месте, куда даже охотники не ходят. Альтану просто повезло, что его отец знает дорогу к Королевской рыси.

– Но я же сын старейшины, – буркнул я. – Должен быть лучше всех.

– Иван, – твёрдо сказала Аня, поворачивая меня к себе за плечо. – Ты сильный. Просто у каждого своя дорога. Помнишь, что я говорила тебе тогда, на озере? После драки с приезжими?

Я помнил. Она обработала мне разбитую губу своей мазью – от неё пахло мятой и чем-то горьким – и сказала: «Жизнь короткая. Альтан скоро уезжает. Ты так и будешь злиться на него?»

Я тогда не понял до конца. А теперь, кажется, начинал понимать.

– Альтана не было на озере, – сказал я. – Он болел, лежал в избе. А я злился на него за то, чего он даже не делал. Собирался извиниться, но этого не сделал. Глупо.

– Глупо, – согласилась Аня. – Но ты не глупый. Ты просто упрямый.

Я усмехнулся. Она всегда умела сказать правду в лицо, но так, что не обидно.

– Что мне делать? – спросил я.

– Сделай ему подарок, – сказала она. – Ты же умеешь вырезать из дерева. Помнишь, старик учил тебя? Вырежи что-нибудь. В знак того, что больше не злишься.

– А тебе? – спросил я, уже зная ответ.

– А мне – заколку, как обещал. Только не простую, а с розой. Как на картинке в моей энциклопедии.

Я кивнул и пошёл к сараю за куском сухой берёзы. Внутри постепенно таяла ледяная глыба обиды.

Конец POV

Через несколько дней, я пошёл в лес один. Хотел проверить ловушку, которую поставил с отцом, и заодно пострелять из лука – отец сказал, что у меня получается всё лучше.

Я шёл по тропе, тихо насвистывая, и вдруг услышал треск веток. Замер. Из кустов вышел Иван. Я напрягся – мало ли что у него на уме – но он выглядел спокойным. Даже виноватым.

– Ты? – удивился я, опуская лук. – Что ты здесь делаешь?

– Я за тобой шёл, – буркнул он. – Хотел поговорить.

– Говори.

– Я завидую тебе, Альтан. Чёрной завистью. Но я хочу это прекратить. Помогите мне.

Я не ожидал такого. Честно говоря, я думал, он придёт снова драться или обзывать. А он просил помощи.

– Как? – спросил я.

– Может, научишь меня чему-нибудь? Или просто... давай побудем вместе. Может, я перестану злиться.

Я усмехнулся. В этом был весь Иван – прямой, как копьё.

– Пойдём, – сказал я. – Я как раз иду проверять дальнюю ловушку.

Мы пошли вдвоём. Иван начал задавать вопросы – про следы, про лук, про травы. Я отвечал. Он слушал внимательно, без обычной насмешки. Иногда переспрашивал. Я заметил, что он быстро запоминает – не хуже меня.

Мы подошли к ручью – и тут я замер.

На той стороне, прямо на сугробе, лежал волк. Молодой, но огромный – в холке выше нас обоих. Он рвал лису, только что пойманную – шкура ещё дымилась паром.

– Не шевелись, – прошептал я, хватая Ивана за рукав. – Уходим медленно, шаг за шагом. Не беги.

Но волк поднял голову. Жёлтые глаза уставились на нас. Он оскалился, и я увидел клыки – длинные, как ножи.

– Бежим? – спросил Иван. Голос его дрожал, но он не отступал.

– Нельзя. Догонит быстрее, чем мы добежим до леса.

Я лихорадочно вспоминал отцовские уроки. Сонный лишайник – он растёт на соснах с северной стороны. Серый, мохнатый. Я видел такой недалеко, на старом пне.

– Иван, – сказала я, стараясь говорить спокойно, хотя сердце колотилось как бешеное. – Нужно усыпить его. Сонным лишайником. Я буду стрелять, а ты беги за лишайником. Как только я крикну «кидай» – бросай лишайник ему в морду. Понял?

– Понял, – выдохнул он.

– Лишайник вон на том пне, – я кивнул в сторону. – Серый, мохнатый. Не ошибись.

Иван метнулся к пню. Волк сделал шаг в нашу сторону, припадая к земле. Я вскинул лук, наложил стрелу.

– Стой! – крикнул я, хотя знал, что волк не понимает слов.

Он прыгнул. Я выпустил стрелу – она вонзилась ему в плечо, но неглубоко, только разозлила. Волк взревел, бросился на меня. Я едва успел откатиться в сторону, но коготь краем задел плечо – рубаха порвалась, по коже потекла тёплая кровь. Я зашипел от боли, но не упал.

– Альтан! – крикнул Иван и метнул камень. Камень попал волку в ухо – тот отскочил, зарычал, но не уходил. Кровь капала с его морды на землю.

Я наложил новую стрелу, выстрелил в морду – волк мотнул головой, стрела прошла по касательной, оставив длинную царапину на щеке. Он не обратил внимание. Глаза его горели бешенством.

– Кидай! – заорал я изо всех сил.

Иван швырнул комок серого мха прямо в раскрытую пасть. Волк чихнул, попятился, замотал головой. Глаза его стали мутнеть, как у пьяного. Он попробовал шагнуть к нам, но ноги подкосились. Волк рухнул на бок, ещё пытаясь подняться, но веки тяжелели. Он дёрнулся раз, другой, потом замер – только грудь тяжело вздымалась.

Мы стояли, тяжело дыша. У меня плечо саднило – три длинные царапины, неглубокие, но кровь текла ручьём. Я прижал руку к ране.

– Ты ранен? – спросил Иван, подходя ближе. Лицо у него было белое, как мел.

– Краем задел, – ответил я, стиснув зубы. – Пройдёт. Ты как?

– Цел.

Волк проспал несколько часов. Мы сидели на безопасном расстоянии, на упавшем дереве, и молчали. Я перевязал плечо полоской от рубахи – щипало, но терпимо. Иван смотрел на волка, потом на меня.

– Ты не побоялся, – сказал он наконец.

– Побоялся, – честно ответил я. – Очень. Но если бы мы побежали – он бы нас догнал. Я видел, как волки бегают. Быстрее любой лошади.

– Откуда ты знаешь?

– Отец рассказывал. И сам видел однажды – стая загнала лося. Волки бежали так, что ветер свистел.

Иван кивнул. Мы помолчали ещё немного.

– Ты сильный, – сказал он. – Я думал, я сильный, а ты... ты другой.

– Сила не только в мышцах, – ответил я словами отца. – Сила в голове. И в том, кто рядом. Иван посмотрел на меня долгим взглядом, потом протянул руку.

– Мир?

– Мир.

Мы пожали друг другу руки. Ладонь у Ивана была твёрдой, как камень, с мозолями от ножа.

Волк проспал до самого вечера. Солнце уже клонилось к закату, когда он наконец зашевелился и, шатаясь, как пьяный, ушёл в чащу. Мы облегчённо выдохнули. Убивать его было нельзя – пришла бы стая, и тогда никто бы не спасся.

Домой вернулись чуть живые – грязные, в царапинах, но счастливые. Я прижимал руку к плечу, кровь уже засохла, но рубаха прилипла к коже.

Моя мать, увидев нас, сначала побледнела, а потом как закричит:

– Вы что, бешеные?! С волком связались?! Я вас обоих запру дома на месяц!

Она схватила меня за ухо, потом дёрнула Ивана за шкирку и усадила нас на лавку у печи. Достала чистую тряпицу, мазь в глиняном горшочке. Начала обрабатывать мои царапины – щипало так, что я зашипел.

– Терпи, герой, – сказала она, но руки у неё дрожали. – Терпи.

– Никуда не иди! Сидеть! Я сейчас отцам вашим расскажу!

Отцы пришли быстро. Максим – старейшина – хмурился, но в глазах у него мелькало что-то похожее на гордость. Мой отец качал головой, потом усмехнулся.

– Дурни, – сказал старейшина. – Но молодцы. Вас бы в Орден – там таких шалопаев быстро в строй приводят.

Иван засмеялся. Я тоже улыбнулся, хотя плечо болело. Мать обняла нас обоих – и меня, и Ивана – прижала к себе, как маленьких.

– Чтобы больше не смели, – шептала она. – Слышите?

– Слышим, – ответили мы хором.

С того дня Иван перестал завидовать. Мы стали товарищами. Не друзьями – дружба приходит со временем, – но уже не врагами. И это было главным.

Мне исполнилось восемь лет. Караван пришёл через несколько месяцев после той встречи с волком. Стояла середина лета – единственное время, когда воздух прогревался настолько, что можно было ходить в одной рубахе. Снег почти везде растаял, только на северных склонах ещё белели грязные сугробы. Дети из приезжих семей, гладкие, как я, кутались в шубы. Покорёженные стояли в закрытых одеждах, привычная картина, повсеместная по всему Княжеству. Ведь даже летом, холодно.

Ревизор Иресьфер – всё такой же страшный, с железной ногой и лицом, пересечённым шрамами – распорядился собрать всех детей от восьми до десяти лет на площади. Мы выстроились в неровную шеренгу: я, Иван, Аня, Витька с кристаллами в ушах, ещё десяток деревенских и трое приезжих.

– Сегодня вас проверит целительница, – объявил ревизор. – Те, кто подойдёт, могут уехать с нами в Орден. Остальные останутся.

Из толпы вышла женщина. Я сразу узнал её – это была мать Ани. Высокая, с длинными белыми волосами, заплетёнными в тугую косу, и с кристаллами на висках, похожими на ледяные серёжки. На ней был тёплый плащ из серого меха, а в руках она держала толстую книгу в кожаном переплёте.

Книга была странной. Она вся покрылась инеем – тонкой коркой льда, которая переливалась на солнце, но не таяла. Я никогда не видел ничего подобного.

– Это «Полный травник Сибирского княжества», – шепнула мне Аня, заметив мой взгляд. – Мамина копия. Она берёт её с собой, когда нужно проверить что-то редкое.

– А почему она в инее?

– Потому что мама хранит её в холодном месте. Так страницы дольше живут.

Я кивнул, но внутри зашевелилось любопытство.

Целительница подходила к каждому ребёнку, брала за подбородок, заглядывала в глаза. Потом открывала книгу, листала до нужной страницы и что-то шептала – то ли молитву, то ли заклинание. Я не разбирал слов, но от книги шёл холод, и у меня по спине бежали мурашки.

Одному парню – крепкому, с широкими плечами – она долго смотрела в зрачки, потом покачала головой.

– Кристаллы мешают, – сказала она. – Внутренняя энергия засорена. Ордену не подходишь.

Парень побледнел и отошёл в сторону, опустив голову.

Другой девочке – лет девяти, с косичками – целительница взяла каплю крови из пальца, капнула на страницу книги. Иней на мгновение растаял, потом замер снова.

– Слабый резерв, – сказала она. – Не выживешь.

Девочка заплакала. Её мать подбежала, обняла и увела.

Детей было много, но целительница быстро отбраковывала одного за другим. Я стоял и ждал своей очереди, чувствуя, как внутри колотится сердце.

Наконец она подошла ко мне.

– Альтан Жировский, – сказала она, и в её голосе не было ни тепла, ни холода – только спокойствие. – Сын Михаила и Алены.

Она взяла меня за подбородок – пальцы у неё были холодными, как лёд – и заглянула в глаза. Я старался не моргать. Потом она открыла книгу, нашла нужную страницу – на ней был изображён ледяной одуванчик, тот самый, что мы срывали в лесу, – и провела пальцем по рисунку.

– Нечувствительность к температурам, – сказала она, словно читая по книге. – Редкая мутация. Кровь охотника течёт в тебе, мальчик. Ты подходишь.

– А как вы узнали? – спросил я, не сдерживая любопытства.

– Книга показывает, – ответила она, закрывая переплёт. Иней на обложке блеснул. – Она помнит каждого, кого проверяли до тебя. И чувствует тех, кто создан для охоты.

Она перешла к следующему.

Следующей была черненькая девочка – я не знал её имени, видел впервые. Она стояла тихо, сжавшись в комок, и смотрела в землю. Целительница проверила её и кивнула:

– Подходит.

Потом – ещё двое мальчиков из приезжих. Тоже подошли. И всё. Остальные – нет.

– Пятеро, – сказала целительница ревизору. – Не густо, но бывало хуже.

– А Аня? – спросил я, обернувшись.

Аня стояла в стороне, скрестив руки на груди.

– Я не пойду, – сказала она, услышав мой вопрос. – Я хочу стать целительницей, как мама. Орден подождёт.

– Жаль, – ответил я. – Ты бы справилась.

– И ты справишься, – улыбнулась она. – Только не геройствуй попусту. Помнишь, что старик говорил?

Я кивнул.

Ревизор тем временем отошёл в сторону с моим отцом и матерью Ани. Я успел услышать обрывок разговора:

– ...поколение за поколением восстанавливаются. Через пару десятков лет покорёженные растворятся среди людей. Уже сейчас дети рождаются почти гладкими.

– Альтан – исключение, – сказал отец. – В нём кровь деда.

– Именно, – кивнул ревизор. – Поэтому он и подошёл.

Они замолчали, увидев, что я слушаю.

Потом ревизор вернулся к нам.

– Кто из вас готов стать частью Ордена? – спросил он, оглядывая пятерых. – Не играть в героев, а убивать порождений, рисковать жизнью, каждый день видеть кровь и боль. Это не сказки.

Я поднял руку. Черненькая девочка – следом. Трое приезжих отказались.

– Через три дня уезжаем, – сказал ревизор. – Собирайтесь.

Три дня пролетели как один миг. Я прощался с каждым, кто был мне дорог.

С матерью. Она обняла меня так крепко, что затрещали рёбра.

– Возвращайся, – сказала она шёпотом. – Обещай.

– Обещаю, – ответил я.

С отцом. Он молчал долго, потом положил руку мне на плечо.

– Я горжусь тобой, сын. Помни, чему я тебя учил. Лес – друг, но не кормилец. Уважай его, и он поможет.

– А если я не вернусь? – спросил я, и голос мой дрогнул.

– Вернёшься, – твёрдо сказал отец. – Ты Жировский. Мы не сдаёмся.

С братом Жданом. Он был ещё маленьким, не понимал, что происходит, только обнял меня и сказал: «Брат вернись!»

– Раста большой, – сказал я, погладив его по голове. – Защищай маму.

И со стариком.

Он сидел на крыльце церкви – снова бодрый, с ясными глазами. Кристаллы на его лице сияли ровным голубым светом.

– Паря, – сказал он, беря меня за руку. – Не играй в героя. Героем тебя могут сделать другие, а глупая смерть сама приходит. Так что живи, но без лишней дурни.

– Я запомнил, – сказал я.

– Смотри, запомнил, – усмехнулся он. – А то знаю я вас, молодых. Сначала геройствуете, а потом мы, старики, вас из беды вытаскиваем.

Я засмеялся, но внутри зашипало.

На прощание мать сняла с пальца старый потускневший перстень.

– Это тебе, – сказала она. – Твоя бабушка передала его мне, а я передаю тебе. Храни.

Я надел перстень на шнурок и повесил на шею. Тяжёлый, с выбитым на нём зверем – то ли волком, то ли рысью. Я провёл пальцем по рисунку – он был тёплым, как живой.

Иван пришёл в последний вечер. Аня была с ним.

– Держи, – сказал он, протягивая свёрток.

Я развернул. Деревянный волк – кривобокий, с короткой лапой, но старательный, покрытый резьбой. Я узнал почерк – старик учил Ивана строгать.

– Спасибо, – сказал я. – Я буду хранить его.

– Ты прости меня, – тихо сказал Иван, не глядя в глаза. – Я дурак был. Но после того волка в лесу я понял, что ты – не чужой. И после того, как ты старика спас... Ты вообще много чего сделал. А я только завидовал.

– Ничего, – ответил я. – Я тоже иногда завидую.

– Чему?

– Что ты остаёшься. У тебя есть дом. А я... я еду в неизвестность.

Иван посмотрел на меня долгим взглядом.

– Ты вернёшься, – сказал он. – Я буду ждать.

Аня подошла, обняла меня – быстро, по-деловому.

– Береги себя, – сказала она. – И не забывай, что дома тебя ждут.

– Не забуду.

У неё в волосах была новая заколка – деревянная, в виде розы. Я узнал работу Ивана. Улыбнулся про себя.

Наутро караван двинулся. Я сидел в телеге, прижимая к груди деревянного волка, и смотрел, как деревня Бьюрон становится всё меньше – сначала исчезли дома, потом церковь, потом только дымок над лесом. Мать стояла на околице, закутавшись в шаль, и махала рукой. Отец положил руку ей на плечо. Иван стоял чуть поодаль, засунув руки в карманы. Аня – рядом с ним.

«Прощайте, – подумал я. – Я вернусь. Я обязательно вернусь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.